Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 41 изданія годъ XVII.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

Всѣ объявленія для журнала „Шутъ“, кромѣ Петербургскихъ, принимаются исключительно въ Центральной Конторѣ Объявленій бывш. Л. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., д. Спиридонова.

ШУТЪ

7 Октября 1895 г. № 41.

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17.
Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

ДЖЕНТЕЛЬМЕНЪ.

— Вы увлекли меня, бѣдную дѣвушку, и теперь хотите бросить?!.
— Что дѣлать! Я далъ честное слово своимъ кредиторамъ, что женюсь на богатой... Я джентельменъ, и долженъ сдержать свое слово!

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Охъ, охъ, охъ, Охта!

Все то ново, что хорошо позабыто.

Драматурги давно уже практикуютъ способъ забытыя пьесы выдавать за новыя.

Такъ и Охта.

Еще наши дѣды хохотали до упаду отъ куплетовъ объ Охтенскомъ мостѣ.

И вдругъ теперь онъ опять является на сцену.

Unsere alte Bekannte...

Охта, охтенская управа, охтенскій мостъ...

Ба! знакомыя все лица!

Но мы тутъ безсильны.

Господа гласные пожелали приняться за этотъ вопросъ.

Не построивъ Троицкаго моста, они принялись за постройку моста на Большую Охту.

Пройдутъ года.

Надоѣстъ имъ болтать объ Охтенскомъ мостѣ, они заведутъ вопросъ о постройкѣ моста изъ Петербурга въ Кронштадтъ.

Чѣмъ они рискуютъ?

Недаромъ говоритъ пословица:

— Отъ слова не станется!

* *
*

Если вы этому не вѣрите, спросите Ѳ. Н. Плевако.

Московскій Цицеронъ празднуетъ свой 25-лѣтній юбилей.

25 лѣтъ безпрерывнаго краснорѣчія.

25 лѣтъ „кассацій", „аппеляцій" и... „ассигнацій"...

25 лѣтъ „милостивыхъ государей", „г.г. судей", и прочихъ обращеній.

Четверть вѣка работы языкомъ!

Да здравствуетъ языкъ и его обладатель!

Что скажутъ наши Демосфены объ этомъ юбилеѣ?

Впрочемъ... У насъ они люди очень занятые.

Высокоталантливый г. Коробчевскій учитъ новую роль для одного любительскаго спектакля.

Высокодаровитый г. Холева не выходитъ изъ Малаго театра, завѣдуя дѣлами „артистическаго кружка".

Есть ли тутъ время думать объ юбилеѣ коллеги?

* *
*

Нашъ лордъ-мэръ раздвоился.

Какъ владѣлецъ фирмы Громовъ и К°, онъ много лѣтъ не платилъ аренды городу за пристань.

Какъ городской голова, онъ потребовалъ съ фирмы Громова и К° всю арендную плату.

Какъ владѣлецъ фирмы Громовъ и К°, онъ уплатилъ требуемыя городскимъ головою деньги.

Какъ городской голова, онъ объ этомъ черезъ управу доложилъ Думѣ.

Выходитъ удивительная фантасмагорія.

Г-нъ Дехтеревъ остался даже при особомъ мнѣніи.

Онъ не согласенъ ни съ городскимъ головою, ни съ владѣльцемъ фирмы Громовъ и К°.

Онъ согласенъ только самъ съ собой.

И поэтому онъ остался при особомъ мнѣніи.

* *
*

Противъ судьбы не пойдешь.

Кухмистеръ Мильбретъ съ этимъ вполнѣ согласенъ.

Какъ онъ ни отвертывался, а все-таки...

А все-таки ему придется сѣсть подъ арестъ.

И все изъ-за какого-то куска какой-то осетрины!

Осетрина — рыба.

Поэтому она можетъ и протухнуть.

Но г. Мильбретъ, хотя и ни рыба, ни мясо, но имѣетъ горячій характеръ.

Онъ не допускаетъ, чтобы у него осетрина осмѣлилась протухнуть.

И хотя бы она издавала запахъ, какъ Апраксинъ переулокъ, но г. Мильбретъ не позволяетъ никому даже заикнуться объ этомъ.

Иначе гнѣвъ его страшенъ.

Такъ страшенъ, такъ страшенъ, что приходится, какъ видите, сажать страшнаго кухмистера подъ арестъ.

О, tempora, o, mores!

О, ossetrina!!

* *
*

Бѣдняжка Кіамиль-паша.

Онъ выходитъ въ отставку.

И все изъ-за армянскаго вопроса.

Наши армяне предпочитаютъ торговать „термаламой" или „готовыми вещами".

А константинопольскіе армяне заставляютъ великихъ визирей выходить въ отставку.

Кіамиль-паша!

Сколько онъ веселыхъ темъ давалъ намъ за все время пребыванія на турецкомъ „диванѣ".

И неужели онъ „провалится", какъ какая-нибудь „Боязнь жизни"?

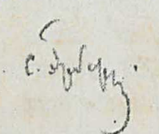
Мы не хотимъ вѣрить этому!

Шутъ 2-й.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

«МАРІИНСКІЙ ТЕАТРЪ».

Къ отъѣзду балерины Рославлевой въ Москву.

Г-жа РОСЛАВЛЕВА.

Вѣнки и букеты плачутъ по упорхнувшей сильфидѣ.

ВЪ ШАНТАНАХЪ.

Около уборной.

— Можно видѣть mademoiselle Оревуаръ?

— Нѣтъ, нельзя-съ: у нея докторъ.

— Что?!.. Развѣ она захворала?

— Нѣтъ... Она, исполняя шансонетки, себѣ обѣ ноги вывихнула, такъ вотъ докторъ ей ихъ теперь и вправляетъ. Это съ нею каждый день случается: ужъ больно здорово она канканируетъ.

—

Забота антрепренера.

— Иванъ Николаевичъ, передайте госпожѣ Обдерини, что если она еще когда-нибудь вздумаетъ итти на бисъ, то я ее оштрафую! Что за безобразіе: отдѣленіе на цѣлыхъ пять минутъ затягиваетъ... Вѣдь за пять минутъ у меня въ буфетѣ публика успѣла бы рублей на десять водки выпить.

—

Противорѣчія сцены.

Антрепренеръ.—Ахъ, Жозефина Робертовна, развѣ можно такъ: вы выходите пѣть шансонетки въ длинномъ платьѣ?.. Хоть бы стѣнъ вы постыдились... Мнѣ, голубушка, положительно за васъ краснѣть приходится!

Microbus.

РАЗГОВОРЫ ДНЯ.

Въ купеческой гостиной.

— Говорятъ, Провъ Силычъ, что будто хотятъ расширить права купцовъ второй гильдіи на биржѣ.

— Это все пустяки, — лучше бы помѣщенія городского арестнаго дома расширили.

—

Между своими.

— Мама, я думаю учиться ѣздить на велосипедѣ.

— Берегись, Нина, — говорятъ, что дамы, катающіяся на велосипедѣ, нерѣдко падаютъ.

—

При встрѣчѣ.

— Говорятъ, что на казенной сценѣ поставятъ „Власть тьмы“.

— И, вѣроятно, поставятъ какъ слѣдуетъ.

— Да, особенно... если распорядятся погасить электричество въ разгарѣ спектакля.

***

ОБЪЯСНИЛЪ.

— Что лучше: волапюкъ или эсперанто?..

— Оба лучше... На волапюкѣ удобно объясняться когда ты вдребезги пьянъ, а на эсперанто—во время жестокаго похмелья...

К.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Римъ. Недавно была роздана депутатамъ Зеленая книга объ африканскихъ дѣлахъ, заключающая въ себѣ 102 документа и 51 стихотвореніе юмористическаго характера. Нынѣ же синьоромъ Криспи раздается книга канареечнаго цвѣта съ картинками веселаго свойства.

Парижъ. Изъ Тананаривы сообщаютъ: „Извѣстно, что первый министръ (онъ же супругъ королевы) осужденъ на изгнаніе. По необходимости имѣть перваго министра королева желаетъ вновь выйти замужъ, о чемъ и объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе. Свахъ просятъ не присылать“.

—

Москва. У Никольскихъ воротъ москвичи снова нашли вѣдьму во образѣ свиньи*). Вѣдьма эта, будто бы, поднялась на заднія ноги и человѣчьимъ голосомъ запѣла: „Ахъ, Москва, Москва, Москва“... Московскіе купцы учреждаютъ „Общество для искорененія вѣдьмъ и для поощренія слоновъ и зеленыхъ зміевъ“, а московскія купчихи изъ предосторожности спятъ подъ кроватями.

КЪ ВЫСТАВКѢ ЦЫПЛЯТЪ.

Лилъ мелкій дождь, былъ вѣтеръ золъ,
Былъ мраченъ Петроградъ,
Когда въ „Акваріумъ“ я шелъ
На выставку цыплятъ...

Въ толпѣ я встрѣтилъ даму тамъ
(Отнюдь не изъ старухъ).
„Какъ много надобно птенцамъ!“
Она дивилась вслухъ.

„Ѣдятъ цыплята цѣлый день...
Положимъ, это—вздоръ...
Но мнѣ, однакожъ, было бъ лѣнь
Кормить такихъ обжоръ“...

И молвилъ ей въ отвѣтъ старикъ
Имѣвшій нѣжный видъ:
„Сознайтесь, все же, что великъ
И дамскій аппетитъ.

На берегахъ рѣки Невы
Доходъ мой годовой
Въ двѣ-три недѣли съѣли вы,
Цыпленокъ милый мой!“

Ев. Тихій.

*) Первая вѣдьма была поймана на прошлой недѣлѣ (см. газеты).

НА ВЫСТАВКѢ ПТИЦЕВОДСТВА.

Господинъ въ котелкѣ.—Виноватъ, милостивый государь... Вы не знаете,—эти куры не турецкой породы?

Господинъ въ цилиндрѣ. — И почему вы предполагаете, что онѣ подобной породы?

— Да какъ же-съ, помилуйте: столько куръ, и среди нихъ всего одинъ пѣтухъ!

— Ну, знаете ли, если съ этой точки зрѣнія смотрѣть, то— всѣ куры турецкой породы.

—

Особа легкаго поведенія. — Послушайте, любезный, у васъ здѣсь выставлены почтовые голуби?

Человѣкъ, исполняющій обязанность Аргуса.—Какъ же-съ, выставлены.

— Такъ вотъ нельзя ли послать одного голубя съ письмомъ къ биржевику на Невскій проспектъ?.. Что будетъ стоить, я заплачу.

—

Солидный джентельменъ въ смокингѣ.— Хорошо, я куплю у васъ этихъ куръ, но только съ условіемъ: если онѣ окажутся нехороши,—вы берете ихъ назадъ.

Куриный экспонентъ.—Да помилуйте, вы же видите, какой онѣ породы!.. Тутъ никакого обмана быть не можетъ!..

— Да я вижу, что хорошей породы, но каковы онѣ на вкусъ будутъ?.. У меня сегодня графъ Дылдинъ обѣдаетъ!.. Имѣйте это въ виду!..

Базиль.

НА ЗУБОКЪ.

Насъ дамы способны сконфузить въ моментъ
Иль вызвать сужденіе злое:
Обидятся, если сказать комплиментъ;
Не скажешь,—обидятся вдвое.

Кудр. сат.

У ПОРТНОГО.

Къ портному приходитъ шпютъ.

— Мнѣ хотѣлось бы заказать шинель.

— Можно-съ. Вамъ на мѣху?

— Нѣтъ, на атласной подкладкѣ; воротникъ нѣмецкаго бобра... Сколько будетъ стоить?

— Семьдесятъ рублей.

— Гм!?.. Деньги, конечно, вы согласитесь получить въ разсрочку?

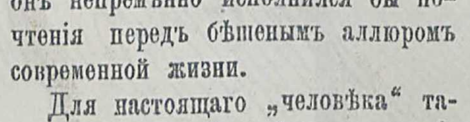
— Въ разсрочку будетъ стоить дороже,—сто сорокъ рублей, при чемъ половину вы внесете мнѣ сейчасъ же по полученіи заказа, а объ остальной можете не безпокоиться.

Mita.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

„Шумимъ, братецъ, шумимъ“...

Если бы какого-нибудь древняго философа перенести изъ древнихъ Аѳинъ на нашъ Невскій, онъ непремѣнно исполнился бы почтенія передъ бѣшенымъ аллюромъ современной жизни.

Для настоящаго „человѣка“ такое собачье состояніе немыслимо, и только необычайно важныя дѣла заставили бы его мотаться безъ отдыху, цѣлыя сутки, перебѣгая изъ одного подъѣзда въ другой.

Но большинство петербуржцевъ хлопочетъ по привычкѣ, по инерціи.

Къ вечеру маленькая метаморфоза: дѣловитый петербуржецъ превращается въ „веселящагося петербуржца“.

— Куда вы такъ спѣшите?

— Ахъ, Боже мой, боюсь опоздать на концертъ, тамъ будетъ фабрикантъ Z, у котораго мои срочные векселя...

— А вы куда?

— Въ оперетку, необходимо видѣть примадонну. Я черезъ нее хлопочу у князя Бубликова, устраивающаго акціонерное общество для выдѣлки питательныхъ суррогатовъ изъ кухонныхъ отбросовъ.

Третій часъ ночи. Къ шикарному французскому ресторану подкатываетъ ландо. Швейцаръ подлетаетъ отворить дверцу.

— Послушай, Григорій, подрядчикъ Закаталовъ тутъ?

— Такъ точно-съ, они въ большомъ кабинетѣ съ барономъ Феферназе и съ француженками ужинаютъ.

— Ахъ, шельмецъ, это онъ барона обхаживаетъ въ виду постройки моста... Вотъ передай карточку и скажи, что по самому неотложному дѣлу необходимо видѣть...

— Ну, Сесиль, вылѣзай. Ты помнишь, конечно, моя милая, что надо говорить этому бегемоту и какъ надо брать за жабры... tu comprends, ma chérie? Ха, ха, ха!.. Ты получишь хорошій куртажъ, если обработаешь этого мастодонта...

Дѣловая пара, разговаривая, подымается по ковровой лѣстницѣ, залитой потоками электрическаго свѣта...

Какъ видите, петербуржецъ никогда не отдыхаетъ.

* *
*

Изъ Панаевскаго колодца третій годъ несется хаосъ звуковъ.

Въ колодцѣ, съ позволенія сказать, поютъ не на животъ, а на смерть.

Говорятъ, когда пѣтухъ поетъ, то закрываетъ глаза, и это онъ дѣлаетъ для того, чтобы доказать, что онъ поетъ не по нотамъ.

Панаевскіе пѣвцы хотя поютъ и по нотамъ, но затыкаютъ при этомъ уши, видимо не желая слушать производимую какофонію.

Подобное неуваженіе къ своему труду встрѣчается и въ другихъ профессіяхъ.

Большинство кондитеровъ не ѣдятъ собственныхъ конфетъ, а пирожниковъ тошнитъ отъ пирожковъ.

Тѣмъ не менѣе надо отдать панаевскимъ пѣвцамъ справедливость: пѣвцы поютъ не столько

— Дорогая моя, я не могу больше у тебя оставаться... Сейчасъ воротится твой мужъ и убьетъ меня...
— Какіе пустяки! Прошлый годъ онъ засталъ меня съ Василіемъ Николаевичемъ, и, представь себѣ, онъ только отколотилъ его зонтикомъ.

— Жоржъ, купи, милый, браслетъ, который я сегодня у Болина видѣла—это единственное мое желаніе.
— Твое желаніе для меня—приказъ, а приказывать себѣ я никогда не позволю.

— Ну, Шурка, если ты не примешь лѣкарства, то я очень буду на тебя сердита.
— Мамочка, будь лучше очень на меня сердита.

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ЗАХОЧЕТЪ, ТАКЪ ПОСТАВИТЪ НА СВОЕМЪ.

Супруги Перелетовы пили утренній кофе.

Между супругами только-что произошелъ крупный разговоръ, смѣнившійся угрюмымъ молчаніемъ мужа и молчаливымъ ехидствомъ жены.

— Ваня, ты, можетъ быть...

— Отстань! Я уже сказалъ, что никого не приглашу сегодня!..

— Успокойся, я не о томъ. Ты, можетъ быть, выпьешь еще чашку кофе?

— Не хочу.

Снова наступило молчаніе. Мужъ продолжалъ хмуриться, жена—улыбаться.

— Ваня, послушай, будь добръ...

— Я тебѣ сказалъ, что никого не приглашу!.. Понимаешь? Никого!..

— Ахъ, милый, я не о томъ!.. Будь добръ, передай мнѣ сухарницу.

Жена допила кофе и отодвинула чашку.

— Ваня, гдѣ у тебя...

— Папиросы? Въ спальнѣ остались.

— Нѣтъ, я не хочу курить. Я спрашиваю: гдѣ у тебя жалость ко мнѣ?

— Оставь меня въ покоѣ!..

— Нѣтъ, скажи мнѣ, какъ тебѣ не стыдно отказывать своей женѣ въ такой пустяшной просьбѣ?!.. Что тебѣ стоитъ пригласить кого-нибудь сегодня къ намъ на винтъ? Вѣдь тебѣ нашъ винтъ нисколько не помѣшаетъ. Вѣдь ты все равно раньше одиннадцати часовъ не вернешься съ вечернихъ занятій.

— Русскимъ я тебѣ языкомъ говорю, что не желаю, чтобы ты каждый вечеръ винтила и проигрывала по пяти рублей! Понимаешь? Не желаю!..

— Но мнѣ скучно! Не могу же я цѣлыми вечерами сидѣть одна дома! Я хочу развлеченій, я хочу, чтобы у насъ состоялся сегодня винтъ!

— Этого не будетъ! заявилъ мужъ и поднялся, собираясь ѣхать на службу.

— Я буду сегодня винтить! Буду, буду и буду!..

Иванъ Николаевичъ хотѣлъ что-то сказать, но вмѣсто того стукнулъ по столу кулакомъ и вышелъ изъ комнаты.

Какъ только супругъ уѣхалъ, Вѣра Антоновна позвонила горничную и, наказавъ ей сходить за посыльнымъ, направилась къ себѣ въ будуаръ. Она сѣла за небольшой затѣйливый столикъ и принялась писать письмо, старательно выводя буквы и замѣтно измѣняя свой почеркъ.

—

Иванъ Николаевичъ сидѣлъ въ кабинетѣ своей канцеляріи и подписывалъ какія-то бумаги, когда вошелъ курьеръ и подалъ ему письмо.

Перелетовъ подписалъ нѣсколько бумагъ, откинулся на спинку кресла, надѣлъ пенснэ и не торопясь распечаталъ конвертъ.

Нѣсколько дѣловыхъ бумагъ полетѣло на полъ, пенснэ соскочило съ носа и Иванъ Николаевичъ, испустивъ какой-то неопредѣленный звукъ, вскочилъ съ кресла.

— Не можетъ быть, я не понялъ!.. воскликнулъ Перелетовъ и, подойдя къ окну, сталъ вполголоса читать письмо:

„Ваша жена измѣняетъ вамъ. Сегодня вечеромъ у нея будетъ любовникъ. Если желаете застать ихъ на мѣстѣ преступленія, то явитесь домой къ 7 часамъ вечера, но непремѣнно въ обществѣ двухъ, трехъ пріятелей, которые будутъ болѣе чѣмъ необходимы, такъ какъ вашъ соперникъ извѣстный петербургскій атлетъ Мускулатуровъ“.

— Возмутительное негодяйство! могъ только выговорить Перелетовъ и, сѣвъ за столъ, сталъ писать записки своимъ пріятелямъ.

—

Вѣра Антоновна сидѣла въ гостиной и вышивала мужу туфли.

Вдругъ рѣзкій, громкій звонокъ заставилъ ее вздрогнуть, и она, закусивъ нижнюю губу, стала прислушиваться. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ Иванъ Николаевичъ въ сопровожденіи трехъ пріятелей.

— Вотъ это мило! Здравствуйте, господа! Спасибо, что зашли!... привѣтствовала хозяйка гостей.

— Ты развѣ одна? удивленно спросилъ супругъ.

— Какъ видишь. Сижу, скучаю и вышиваю тебѣ туфли.

Перелетовъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на жену и, оставивъ ее гостямъ, прошелъ въ спальню. Онъ осмотрѣлъ всѣ шкафы, заглянулъ подъ кровать и даже открылъ къ чему-то плевательницу.

—Что за чертовщина! Мистификація это, или нѣтъ? воскликнулъ супругъ и, остановившись среди комнаты, задумался.

„Пасъ!... Безъ козырей!.. Двое пикъ!..“ донеслось изъ залы.

— Ахъ, шельма! Надула!.. проговорилъ Иванъ Николаевичъ и, хлопнувъ себя по лбу, направился въ столовую распорядиться закуской.

Дмитріевъ.

ВЪ ДУХѢ ФЕНДЕСЬЕКЛЯ.

Торговка пристаетъ къ приличному господину.

— Купите, баринъ, хорошую ротонду!

— Зачѣмъ мнѣ, милая, ротонда? Вѣдь я не женщина, а холостой мужчина!

— Ну, тогда купите бархатную юбку. Очень хорошая юбка!

—

— Эй! вы! Я не стану съ вами играть! Вы сейчасъ передернули карту! Я-съ вашъ фокусъ знаю, слишкомъ нечисто вы его дѣлаете!

— Нечисто?! Ахъ, батюшка! Будьте благодѣтель! Научите, а то вѣчно съ нимъ непріятность...

Ванька Пузырь.

РОМАНСЪ.

Исполненный муки жестокой,
Предъ ней на колѣни онъ палъ,
И взглядъ его юный, глубокій
Блисталъ, какъ толедскій кинжалъ.
„Внемли! Не губи понапрасну!“
Молилъ онъ ее сгоряча,
„Иль я отъ страданій угасну,
Какъ въ грозную бурю свѣча.
Внемли моимъ страстнымъ моленьямъ,
Страдальца истоpгни изъ тьмы.
Внемли! Не гони съ отвращеньемъ!
Дай двѣсти цѣлковыхъ взаймы!!!
О, сжалься!!!“
Она помолчала...
Сталъ ликъ ея свѣтелъ, и вотъ
Съ любовью она отвѣчала:
„Пожалуй, я дамъ... Но сначала
Мнѣ вексель ты дашь на пятьсотъ“.

Клякса.

ВЪ МЕБЛИРОВАННЫХЪ КОМНАТАХЪ.

— Скажите, пожалуйста, сосѣдъ, вы живете здѣсь уже четвертый мѣсяцъ,—какъ тутъ принято платить за комнату: впередъ, или по прошествіи мѣсяца?

— Извините, право, не могу вамъ сказать: я хотя и живу здѣсь четвертый мѣсяцъ, но еще ни разу не платилъ.

* *
*

— Комната ничего себѣ, мнѣ нравится, только скажите пожалуйста, нѣтъ ли тутъ клоповъ или таракановъ?

— Какъ не быть, есть сколько угодно. Да отчего же имъ и не быть: комнатка чистенькая, свѣтленькая, теплая... Есть, батюшка, есть!..

К.

ради денегъ, сколько ради славы. Можетъ быть, это случается еще и потому, что деньги очень рѣдкій предметъ въ ихъ театрѣ...

* *
*

Въ свое время мы отмѣтили выходъ въ свѣтъ ерундистой книжки стихоплета-декадента Емельянова-Коханскаго.

Въ настоящее время онъ опять обратилъ на себя вниманіе, напечатавъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ слѣдующее объявленіе о своемъ сборникѣ „Обнаженные нервы“: „Желающіе купить эту прогремѣвшую книгу и въ видѣ преміи лицезрѣть ея автора, благоволятъ обращаться къ нему отъ 4—7 ч. вечера“, затѣмъ слѣдуетъ адресъ.

Великій поэтъ показываетъ себя публикѣ какъ показываютъ какого-нибудь великана или чучело сирены въ музеѣ паноптикумъ.

Для большей славы и для большаго вниманія къ нему москвичей совѣтуемъ ему: въ уши и въ обѣ ноздри продѣть по рыбьей кости и татуировать все тѣло какими-нибудь ящерицами, крокодилами или, что еще того лучше—на всѣхъ мѣстахъ нататуировать декадентскія изреченія изъ его сборника „Обнаженные нервы“.

Несомнѣнно прогремѣвшій поэтъ, нататуированный декадентскими стихами и съ продѣтыми въ уши и ноздри рыбьими костями или гусиными перьями, эмблемою декадентской музы произведетъ необычный эффектъ у москвичей, съ чѣмъ ихъ и его—поздравляемъ.

* *
*

Дешевый тарифъ сдѣлалъ свое дѣло: въ Петербургѣ появились такіе обросшіе мохомъ провинціалы, какихъ можно встрѣтить только въ Царевококшайскѣ или въ какомъ-нибудь Завихрянскѣ.

Одинъ изъ такихъ „нетронутыхъ“ натуръ благодаря рекомендаціямъ попалъ на раутъ къ лифляндскому барону X.

Баронъ, гордящійся славнымъ прошлымъ, водилъ гостей по портретной галлерeѣ его предковъ и затѣмъ показалъ чудные наслѣдственные бриліанты и другія драгоцѣнности:

— Вотъ прекрасные два камня, которые стоятъ очень дорого, сказалъ баронъ, показывая два алмаза.

— Позвольте, баронъ, перебилъ его завихрянскій помѣщикъ.—Сколько приносятъ доходу эти два камня?

— Доходу?.. изумился баронъ.—Никакого!..

— Это жаль!.. А вотъ у меня есть два камня, приносящіе доходу по тысячѣ рублей въ годъ.

Баронъ и гости недовѣрчиво посмотрѣли на говорившаго.

— И можно узнать, какіе это камни? спросилъ баронъ.

— О, да, конечно: это два жернова, отвѣтилъ завихрянскій житель.

С. Эръ.

ГАННЕЛЕ.

Фантастическія сцены соч. Г. ГАУПТМАНА.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА (Малый театръ)

Текстъ и рисунки С. И. ЭРБЕРА.

Нѣмецъ Гауптманъ, желая угодить вырождающемуся человѣчеству, впавшему въ дѣтство, написалъ дѣтскую сказку «о бѣдной дѣвочкѣ», для впавшихъ въ дѣтство взрослыхъ.

Сказка Гауптмана начинена всевозможными эффектами. Отъ эффектовъ «Ганнеле» шиньоны дыбомъ становятся, ящерицы бѣгаютъ по спинѣ, дамы рожаютъ и пожарные, за сценой, въ родимчикѣ катаются.

Въ теченіе двухъ актовъ добросовѣстный нѣмецъ усердно мотаетъ кишки у публики.

Утопленницу Ганнеле приносятъ умирать на сцену. Ганнеле въ предсмертномъ бреду срывается съ постели и мечется по комнатѣ. Вѣтеръ воетъ какъ собака по покойнику. Бррррръ!!..

«Адъ кромѣшный». Въ залѣ тушатъ огни и наступаетъ темнота, какъ у негра въ шкапу. Слышатся стоны мертвецовъ, скрежетъ зубовный, завыванія привидѣній и предсмертное иканіе Ганнеле.

Карманные воры вытаскиваютъ часы у парализованныхъ отъ страха мужчинъ и снимаютъ браслеты у полумертвыхъ отъ ужаса дамъ.

Видѣніе отца Ганнеле.

Дочереубійца издѣвается надъ умирающей.

Эффектъ, вызывающій ощущеніе какъ бы отъ вырыванія зубовъ.

Смерть пришла!!.

О... о...

Тишина въ залѣ необычайная, слышно лишь какъ у публики зубы стучатъ и волосы на головѣ шевелятся.

Хромой портной примѣряетъ саванъ на умирающую, но все никакъ не могущую умереть, Ганнеле.

Съ появленіемъ загробнаго духа матери, сумасшедшій бредъ усиливается:

— Скоро, Ганнеле, ты будешь тамъ гдѣ и я, я будешь ѣсть вкусное мясо (?!..)

— Что это у тебя въ рукѣ?..

— Это луковица.

— Какое счастіе!..

Къ общему удовольствію Ганнеле наконецъ умираетъ и въ компаніи со свѣтлыми духами улетаетъ къ колосникамъ.

Послѣ спектакля, ночью.

Мужъ. — Душечка, мнѣ такъ страшно!.. Такіе ужасы снятся, послѣ этой пьесы, что я один просто боюсь спать... Ужъ ты, голубушка, пусти меня къ себѣ на кровать.

АКТЕРЪ-ЛЮБИТЕЛЬ.

„*Злодѣемъ*“ начавши карьеру,
Теперь я сознаться готовъ,
Что въ жизни губилъ черезъ мѣру
Сердца и замужнихъ и вдовъ.

Но, бѣдъ всевозможныхъ виновникъ,
И самъ я попался въ скандалъ:
Увлекшись, какъ „*первый любовникъ*“,
Я „драму“ съ дѣвицей сыгралъ.

Сначала объятья,—понятно,—
Укоры и слезы потомъ,
И вотъ, хоть сказать непріятно,
Я сталъ „*благороднымъ отцомъ*“.

Съ тѣхъ поръ я въ семьѣ исполняю
Постыдныя „*роли безъ словъ*“,—
А если когда и играю,
То только однихъ „*простаковъ!..*“

Мурзукъ.

ПОРТРЕТЪ ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Художнику Санцеву былъ заказанъ портретъ. Этотъ портретъ надо было написать съ одной хорошенькой женщины полусвѣта. Сторговались за триста рублей и Санцевъ ежедневно ходилъ на сеансы въ домъ красавицы.

„Чортъ побери, скоро ли я, однако, окончу этотъ портретъ? думалъ про себя молодой художникъ.—Деньги нужны до зарѣзу, а портретъ, какъ на зло, не ладится... Эхъ, жизнь! Работаешь-работаешь, а потомъ получишь деньги—глядь, и разсовалъ ихъ всѣ... Надо будетъ сапоги купить и новую блузу... Анютѣ надо на платье подарить... Хотѣлось бы у букиниста альбомъ рисунковъ Доре купить... Впрочемъ, что же... Триста рублей деньги хорошія, и на нихъ можно много чего пріобрѣсти...

Но вотъ, наконецъ, портретъ былъ оконченъ и Санцевъ глубоко и облегченно вздохнулъ.

— Ну, какъ вы меня находите на портретѣ? спросила хорошенькая женщина у него.

— Я не судья въ своей работѣ, но все же вы на портретѣ прелестны не менѣе, чѣмъ въ натурѣ...

— А вы находите, что я недурна въ натурѣ?.. Это новость! Я думала, вы меня считаете дурнушкой...

— Почему же?

— Во всѣ сеансы, вы не сказали мнѣ ни одного комплимента... Впрочемъ, я и не напрашиваюсь... Выпьемте кофе съ ликеромъ по случаю окончанія работы! Хотите?

Кофе подали.

— Больше, больше наливайте ликера... Это хорошій! говорила она.—Дайте я вамъ налью... Скажите, вы женаты?

— Еще нѣтъ, по... думаю...

— А! Не совѣтую спѣшить... Тѣмъ болѣе, что художнику, и такому красавцу—жениться опасно... Измѣнять женѣ будете... Хотите курить?.. Двигайтесь ближе, вамъ неудобно...

— Я и такъ близокъ къ счастію...

— Ха-ха! Какой вы смѣшной! Пейте еще...

— Я готовъ не только пить, а—упиться!

— Ха-ха... Послушайте, остановитесь... Вы очень близко... Слышите?

— Ой! Вы укололи меня булавкой!

— Намъ съ вами надобно разсчитаться...

— Съ удовольствіемъ!

— Я вамъ должна... Послушайте, отодвиньтесь же... Сколько я вамъ должна?

— Во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ я вамъ долженъ за счастіе быть съ вами tête-à-tête...

— Двадцать пять вы взяли...

— Ради Бога, не говорите о деньгахъ... это нарушаетъ гармонію поэзіи... Вы такъ прелестны... Я такъ счастливъ... Я умереть готовъ у вашихъ ногъ...

— Слѣдовательно, я вамъ должна еще двѣсти семьдесятъ пять...

— Ничего вы мнѣ не должны!!.. Я самъ готовъ отдать вамъ всю свою жизнь и молодость, и волю... Какіе у васъ душистые локоны...

— Вы серьезно... Пустите...

— Дайте мнѣ на память вашъ локонъ?

— Локонъ? Что вамъ локонъ?

— Локонъ и поцѣлуй...

— Ха-ха-ха... Послушайте...

Но слышать можно было только звукъ поцѣлуя, да звонъ упавшей на столъ бутылки ликера.

. . . .

Вечеромъ Санцевъ сидѣлъ дома, мрачный, озлобленный и... попрежнему безъ копѣйки денегъ.

— Нѣтъ, кончено! Больше никогда не буду писать съ этихъ бабъ портретовъ... Чортъ бы ее побралъ, эту работу!..

Альцестъ.

За редактора издатель *Р. Голике*.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 6 Октября 1895 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. № 17.